

ПОСЛАНИЕ К СЕМЬЯМ Иоанна Павла II (сокращённый перевод)

Дорогие семьи!

1. Празднование года семьи даёт мне желанную возможность постучаться в ваши двери, стремясь приветствовать вас и пребывать с вами. Я делаю это в предлагаемом вам Послании, используя в качестве отправной точки слова энциклики *«Redemptor hominis»* («Искупитель человечества»), обнародованной в первые дни моего служения как преемника Петра. Там я писал, что «человек — это путь Церкви».¹

Это утверждение свидетельствует, прежде всего, о существовании различных путей в жизни каждого человека, и одновременно показывает сколь велико стремление Церкви идти вместе с человеком по разнообразным дорогам его земного существования. Церковь, будучи глубоко убеждена, что сам Христос поставил её на этот путь, старается сопровождать человека в радости и надежде, в страдании и трудах его земного паломничества, потому что именно Христос определил человека как «путь Церкви», цель её посланнической миссии и служения.

Семья — путь Церкви

2. Обычно человек приходит в мир в семье, и можно сказать, что семье принадлежит сам факт его существования как индивидуума. Если у человека нет семьи, что вхождение в мир связано для него с чувствами боли и потерянности, которые могут сопровождать его всю жизнь. Церковь знает, что человек покидает семью, чтобы в новой семье осуществить своё жизненное призвание. Даже если человек решает остаться одиноким, всё равно именно семья образует его экзистенциальный горизонт, основную общину, в которой укоренена вся система его общественных отношений — от непосредственно близких до самых удалённых.

Семья происходит из той любви, которой Творец объемлет сотворённый мир «в начале», как сказано в Книге Бытия (1,1). В Евангелии Иисус говорит больше: «так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного» (Ин 3,16). «Бог от Бога и Свет от Света», Сын, Единосущный Отцу, вошёл в человеческую историю через семью.

Мы знаем, что Искупитель провёл большую часть Своей жизни в Назарете, в безвестности и «повиновении» у Марии — Его Матери, и Иосифа-плотника. Не в этом ли сыновнем «повиновении» Христа впервые проявилось послушание Отцу «даже до смерти» (Флп 2,8)?

Подражая Христу, пришедшему в мир, «чтобы послужить» (Мф 20,28),

¹ *Redemptor hominis* (4 марта 1979), 14

Церковь считает служение семье одной из самых главных своих обязанностей. В этом смысле и человек, и семья образуют «путь Церкви».

Год семьи

3. Поэтому Церковь радостно приветствует решение ООН объявить 1994 год Годом Семьи. В этом году для нас важно обновить наше понимание множества знаков любви и заботы, которыми Церковь окружала семью с самого начала христианства, когда семья обозначалась исполненным глубокого смысла термином «домашняя церковь». Мы часто обращались к понятию «домашней церкви» и в наше время, и мы надеемся, что смысл этого понятия всегда будет актуальным.

Молитва

4. В этом письме я обращаюсь не к семьям «вообще», а к каждой отдельной семье, в какой бы части нашего мира она ни находилась, как бы ни были сложны и разнообразны культурные и исторические условия её жизни.

Сын Божий присутствует среди нас, когда мы молимся: «Ибо, где двое или трое собраны во имя Моё, там Я посреди них» (Мф 18,20). Знаменательно, что именно в молитве и посредством молитвы человек проще и глубже всего познаёт свою собственную субъективную уникальность: в молитве человеческое «я» легче всего постигает глубинное значение бытия личности. Это справедливо также и в отношении семьи, которая не только является основной «ячейкой» общества, но ещё и обладает своей собственной субъективной уникальностью. Эта субъективная уникальность укрепляется и утверждается более всего, когда члены семьи соединяются в общем призыве: Отче наш!

Пусть Год Семьи станет всеобщей молитвой всех «домашних церквей» и всего народа Божия! Пусть эта молитва достигнет семей, испытывающих трудности или разделения, находящихся в опасности, ситуациях, которые Апостольское послание «*Familiaris consortio*» описывает как «ненормальные». Пусть все семьи смогут почувствовать заботу и любовь своих братьев и сестёр!

В Кане Галилейской, где Иисуса пригласили на брачный пир, Его Мать сказала слугам: «что скажет Он вам, то сделайте» (Ин 2,5). Сегодня, в начале года семьи, Мария обращает эти слова ко всем нам, приглашая нас соединиться и в молитве обрести любовь Сына, Который любит каждую семью.

I. Цивилизация любви

«Мужчину и женщину сотворил их»

6. Наша вселенная во всей своей необъятности и многообразии — то есть мир всего живого — вписана в отцовство Бога, которое является его источником (ср. Еф 3,14-15). Конечно, это можно утверждать, лишь основываясь на аналогии, благодаря которой мы можем распознать в самом начале Книги Бытия подлинную сущность отцовства и материнства, а, следовательно, и семьи. Ключом к пониманию этого является принцип «образа» и «подобия» Божия — принцип, которому в тексте Писания придаётся огромное значение (Быт 1,26). Сотворению человека предшествуют слова, с которыми Бог как бы обращается

к Себе в поисках образа и вдохновения, находя их в тайне собственного Существа, уже раскрытого здесь как Божественное «Мы»: «Сотворим человека по образу Нашему и по подобию Нашему» (Быт 1,26). Из этой тайны актом творения вызван к жизни человек: «И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их» (Быт 1,27).

Бог говорит к этим только что созданным существам и благословляет их: «Плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею» (Быт 1,28). Книга бытия использует те же слова, описывая сотворение других живых существ: «размножайтесь». Однако ясно, что здесь эти выражения употребляются по аналогии, и их следует понимать в свете всеобъемлющего контекста. Ни одно из живых существ на земле, кроме человека, не было создано «по образу и подобию Божию». Человеческое отцовство и материнство, оставаясь биологически подобны отцовству и материнству других живых существ, уникальным образом содержат в своей сущности «подобие Божие», которое составляет основание семьи как общности человеческой жизни, как общины личностей, соединённых в любви [*communio personarum*].

Новый Завет даёт возможность понять, как в Самом Боге, в тайне Троичности Его бытия обнаруживается прообраз семьи. В вечности прообразом человеческого «мы» — в особенности того «мы», которое составляют мужчина и женщина, сотворённые по образу Божию, — является Божественное «Мы».

«От начала» человек создан мужчиной и женщиной: жизнь человечества — будь то жизнь небольшой общины или целого общества — отмечена этой изначальной дуальностью. Из этой дуальности проистекают «мужественность» и «женственность» индивидуумов, и именно индивидуумов, и именно в ней каждая община черпает свое собственное неповторимое богатство, обретаемое во взаимном совершенствовании. Вероятно, это и имеет в виду Книга Бытия, утверждая: «мужчину и женщину сотворил их» (Быт 1,27). Здесь мы также впервые находим утверждение равного достоинства мужчины и женщины: оба в равной мере являются личностями. Они устроены так, что общее благо человечества при любых обстоятельствах «от начала» определяется их достоинством. И мужчина, и женщина вносят в это общее благо свой особый вклад. Так, у самых истоков человеческого общества мы обнаруживаем качества общности и взаимодополняемости.

Брачное соглашение

7. Семья всегда считалась первым и основным выражением общественной природы человека. Фактически семья представляет собой сообщество личностей, чьим способом совместного существования является общение [*communio*]. Только личности способны жить «в общении». Начало семьи — в супружеском общении, описанном II Ватиканским собором как «соглашение», в котором мужчина и женщина «взаимно отдают и принимают друг друга» (РН 48).

Книга Бытия помогает нам увидеть эту истину об установлении семьи через установление брака, утверждая, что «оставит человек отца своего и мать свою, и прилепится к жене своей; и будут (два) одна плоть» (Быт 2,24). В Еван-

гелии Христос, споря с фарисеями, цитирует эти слова и затем добавляет: «Так что они уже не двое, но одна плоть. Итак, что Бог сочетал, того человек да не разлучает» (Мф 19,6). Таким образом, Он заново открывает обязывающий смысл того, что существует «от начала» (ср. Мф 19,8). Подтверждая это сегодня, на заре Нового Завета, Учитель ясно и недвусмысленно показывает нам, что нерасторжимый характер брака составляет основу общего блага семьи.

Я говорил о двух близких, но не идентичных понятиях: об общении и общине. Общение относится к сфере межличностных отношений, возникающих между «я» и «ты». Община же выходит за пределы этой сферы, стремясь к «обществу», к «мы». Таким образом, семья, являясь общиной, образует первое человеческое общество. Оно возникает везде, где люди вступают в брак, открывающий супругам постоянную общность любви и жизни, которая достигает своей особой полноты с рождением детей: общение супругов порождает общинную семью.

Опыт показывает, что эта полнота представляет собой и задачу, и проблему. Задача для супругов — прожить жизнь, соблюдая совет первоначальное соглашение. Дети, рождённые ими, должны укреплять это соглашение, углубляя и обогащая супружеское общение отца и матери. Если этого не происходит, мы должны спросить себя: не сильнее ли любви эгоизм, таящийся в даже в любви мужчины и женщины и вызванный склонностью человека ко злу? Супруги должны это осознавать.

Отцовство и материнство само по себе являются доказательствами любви; они позволяют раскрыть её масштабы и изначальную глубину. Но это никогда не происходит автоматически. Любовь человека, естественным образом стремящаяся к отцовству и материнству, временами переживает глубокий кризис и подвергается серьёзной опасности. В таких случаях помощь могут оказать консультационные центры по проблемам семьи, где наряду с другими средствами можно прибегнуть к помощи квалифицированных психологов и психотерапевтов. Но необходимо помнить и о всегда актуальных словах апостола: «Преклоняю колени мои пред Отцем Господа нашего Иисуса Христа, от Которого именуется всякое отечество на земле и в небесах» (Еф 3,14-15). Таинство брака — это соглашение между людьми, заключаемое в любви. А любовь углубляется и хранится только любовью, только той любовью, которая «излилась в сердца наши Духом Святым, данным нам» (Рим 5,5).

Преклоняя колени пред Отцом, апостол просит, чтобы верующие «крепко утвердились Духом Его во внутреннем человеке» (Еф 3,16). Эта «внутренняя крепость» необходима семейной жизни всегда, и особенно — в критические моменты, когда тяжкому испытанию подвергается любовь, выраженная в обряде бракосочетания словами: «Обещая хранить тебе верность... во все дни жизни моей».

8. Книга Бытия, говоря о человеке, оставляющем отца и мать, чтобы прилепиться к жене (ср. Быт 2,24), обращает особое внимание на свободный и сознательный выбор, вызывающий к жизни брак и делающий сына в семье — мужем, дочь — женой. Можно ли правильно понять этот взаимный выбор, не принимая во внимание полноту истины о человеке — существе разумном и сво-

бодном? II Ватиканский собор, говоря о подобии Божиим, употребляет весьма знаменательные выражения. Он обращается не только к тому Божественному образу и подобию, которыми обладает каждый человек как таковой, но также и, прежде всего, к «некоему сходству между единением Божественных Лиц и союзом детей Божиих в любви и истине» (РН 24).

Эта исполненная глубоко смысла формулировка утверждает главное в подлинном «я» каждого человека, мужчины или женщины. Подлинное «я» человека заключается в способности жить в истине и любви; и более того, это «я» составляет сама потребность в истине и любви, понимаемых как существенное измерение человеческой жизни. Эта потребность открывает человека Богу и творению, другим людям, жизни «в общении», и в особенности — браку и семье. Согласно Собору, «общение» между людьми в определённом смысле происходит из тайны Троического «Мы»; а значит, супружеское общение тоже соотносится с этой тайной.

В браке мужчина и женщина соединены так тесно, что становятся, как утверждает Книга Бытия, «одной плотью» (Быт 2,24). Мужчина и женщина, несмотря на физические различия, существующие между ними, в равной степени наделены способностью жить в истине любви. Эта способность, свойственная человеку как личности, имеет одновременно и духовное, и физическое измерение.

Семья, происходящая из человеческого союза «в истине и любви», обязана своей внутренней прочностью тому соглашению между супругами, которое Христос возвёл в достоинство таинства. «Имеете ли вы намерение с любовью принимать детей, которых пошлёт вам Бог, и воспитывать их в католической вере?» — спрашивает священнослужитель в момент совершения обряда бракосочетания. Ответ супругов отражает глубочайшую истину любви, которая соединяет их. Союз, заключаемый ими, не замыкает их в себе, но открывает новой жизни, новому человеку.

Вопрошая: «Имеете ли вы намерение?», Церковь напоминает жениху и невесте, что они стоят перед лицом созидательной силы Бога. Они призваны стать родителями, чтобы сотрудничать с Создателем в передаче жизни, воспроизводя образ и подобие Божии, которые несёт в себе каждый рождённый женщиной.

Происхождение личности

9. С семьёй тесно связано происхождение каждого человека, его генеалогия. Человеческое отцовство и материнство укоренены в биологии, однако они выходят за пределы биологического. Всякое зачатие находит свой прообраз в отцовстве Бога. Но чтобы адекватно объяснить отношения отцовства и материнства, свойственные человеку, этого «космического» плана подобия Божия недостаточно. Рождаясь из супружеского союза двоих, новая личность привносит в мир особенные, индивидуальные образ и подобие Божии: генеалогия личности вписана в биологию рождения. <...>

В зачатии и рождении ребёнка родители сталкиваются с великой тайной (ср. Еф 5,32). Как утверждает II Ватиканский собор, «человек — единственное

на земле творение, которого Бог возжелал ради него самого» (РН 24). Бог «возжелал» человека от самого начала, и Бог «желает» его в каждом акте зачатия и рождения человека.

С момента зачатия и затем рождения новый человек предназначен для полноты выражения своей человечности, для того, чтобы обрести себя как личность. И в этом смысле Бог возжелал каждого человека ради не самого. Однако в Божием замысле призвание человека простирается за пределы времени. Оно встречается с волей Отца, открытой в Воплощённом Слове: воля Божия в том, чтобы даровать человеку участие в Своей Божественной жизни. Христос говорит: «Я пришёл для того, чтобы имели жизнь и имели с избытком» (Ин 10,10)

Но если человек создан для Божественной жизни, может ли он действительно существовать «ради себя самого»? Как соотносится жизнь человека и его участие в жизни Троицы? Святой Августин даёт нам ответ в своей знаменитой фразе: «неспокойно сердце наше, доколе не успокоится в Тебе» (Исповедь I,1). Эта фраза указывает на то, что между двумя формами жизни существует не противоречие, а взаимная дополняемость и единство. <...>

Общее благо в браке и семье

10. Общее благо в браке и семье определяется договором, который заключают супруги. «Я, N, беру тебя, N, в жёны (в мужья) и обещаю тебе хранить верность в счастье и в несчастье, в здравии и в болезни; а также любить и уважать тебя во все дни жизни моей». В этих словах определено общее благо семейной пары и всей семьи. Общее благо супругов: любовь, верность, почитание и постоянство союза до самой смерти. Благо обоих, будучи благом для каждого из них, должно стать благом и для детей. Церковь и государство принимают взаимное согласие супругов, выраженное приведёнными выше словами, потому что это согласие «написано у них в сердцах» (Рим 2,15). Как крещённые христиане, супруги являются совершителями таинства брака в Церкви. От того, как выполняются условия договора, зависят рождение и воспитание детей, представляющие собой важнейшую цель брака.

Сакраментальный союз супругов должен стать молитвенным союзом. Именно в молитве семья открывает себя как первичное «мы», в котором каждый — будь то муж или жена, сын или дочь, брат или сестра — существует для других.

Сегодня семьям не хватает «человеческой жизни». Не с кем творить общее благо, не с кем делиться этим благом; а оно по самой природе своей требует создания и участия в нём других людей: «*bonum est diffusivum sui*» — «добро распространяется» (Summa Theologiae, I, в.5, п.4). Чем более общим является благо, тем более оно должно быть чьим-то: моим — твоим — нашим.

Искренняя самоотдача

11. После утверждения, что человек — единственное творение на земле, которого Бог «возжелал ради него самого», II Ватиканский собор продолжает: «человек может полностью раскрыть своё подлинное «я» только искренне даруя себя» (РН 24). Может показаться, что здесь скрыто противоречие, однако

на самом деле это не так. Перед нами удивительный парадокс человеческого существования: любить — это значит отдавать и принимать нечто, чего нельзя ни купить, ни продать, но лишь свободно и взаимно даровать друг другу. Когда в браке мужчина и женщина отдают себя и принимают другого в единстве «одной плоти», логика искренней самоотдачи становится частью их жизни. Когда же они передают жизнь ребёнку, новое человеческое «ты» появляется в поле зрения «мы». Новорожденное дитя дарует себя родителям уже самим фактом своего появления, и его жизнь становится даром, первым даром Творца Своему творению. Рождение ребёнка — это пасхальный знак. Мы читаем в Евангелии от Иоанна, как Сам Иисус в преддверии страдания и смерти сравнивает печаль разлуки с Ним, охватившую учеников, с тем, что переживает роженица: «Женщина, когда рождает, терпит скорбь, потому что пришёл час её; но когда родит младенца, уже не помнит скорби от радости, потому что родился человек в мир» (Ин 16,21). «Час» женщины в родах уподобляется здесь «часу» смерти Христа (ср. Ин 13,1); рождение ребёнка полностью отражает победу жизни над смертью, дарованную Воскресением Господа.

Такова евангельская истина, касающаяся искренней самоотдачи. Не принимая во внимание эту истину, супруги не сумеют полностью раскрыть подлинно человеческий смысл своей жизни. Именно поэтому Церковь неустанно учит об этой истине и свидетельствует о ней.

Ответственное родительство

12. Теперь рассмотрим два вопроса, тесно связанных между собой. Один более общий, касается **цивилизации любви**; другой, более узкий, связан с ответственностью отцовства и материнства.

Пастырская конституция «*Gaudium et spes*» («Радость и надежда») говорит о «поддержании достоинства брака и семьи». Собор рассматривает это «поддержание» как обязанность, возложенную на Церковь и на государство. Однако в любых культурных условиях эта обязанность лежит, прежде всего, на тех, кто, соединяясь в браке, образует семью. В ответственных отцовстве и материнстве выражается конкретное обязательство выполнять этот долг, обладающий в современном мире некоторыми новыми чертами. <...>

Нельзя искусственно разделить, не причиняя ущерба глубочайшей истине о физической близости супругов, два измерения супружеского союза — объединяющее и детородное. Этот вопрос широко рассматривался на страницах документов II Ватиканского собора. Собор, осознавая проблему человека и его призвания, утверждает, что супружеское единение, библейское «*uno caro*» (одна плоть) можно понять и объяснить только обратившись к таким ценностям, как личность и дар. Для мужа и жены эти ценности особым образом выражаются в момент их супружеского единения, когда в «истине» своих мужественности и женственности, они даруют себя друг другу, и эта встреча делает их «одной плотью» (Быт 2,24).

Физическая близость супругов всегда подразумевает общую ответственность мужчины и женщины, ответственность за новую жизнь, которую они могут принести в мир. Это не значит, что зачатие детей — единственная цель бра-

ка. Никогда нельзя рассматривать человека как средство достижения цели и тем более как средство получения удовольствия. Человек должен быть целью любого действия. Только в этом случае оно отвечает подлинному достоинству человека.

Две цивилизации

13. Из сказанного выше ясно, что семья является основанием того, что Папа Павел IV назвал «цивилизацией любви». Это выражение восходит к традиции «домашней церкви» раннего христианства, но имеет особенное значение в наше время. Созданный по образу и подобию Божию человек принял из рук Творца мир, чтобы устраивать его по собственному образу и подобию. В исполнении этой задачи рождается цивилизация, которая, в конечном итоге, представляет собой «гуманизацию» мира. Эта цивилизация теснейшим образом связана с той любовью, которая «излилась в сердца наши Духом Святым, данным нам» (Рим 5,5), и она развивается в результате постоянной заботы о ней, описанной евангельской аллегорией: «Я есмь истинная виноградная лоза, а Отец Мой — виноградарь. Всякую у Меня ветвь, не приносящую плода, Он отсекает; и всякую, приносящую плод, очищает, чтобы более принесла плода» (Ин 15,1-2). Семья зависит от этой цивилизации и в ней находит смысл своего существования в этом качестве. И в то же время семья — средоточие и сердце цивилизации.

Но цивилизации, укоренённой в любви, противостоит возможность разрушительной «антицивилизации», и это подтверждают современные тенденции. Можно ли отрицать, что наш век — век глубочайшего кризиса, выступающего, прежде всего, как «кризис истины», кризис понятий? Выражают ли слова «любовь», «свобода» и даже «личность», «права личности» своё сущностное значение? Но только в том случае, если истина о свободе и человеческом общении в браке и семье вновь обретёт своё сияние, начнётся подлинное строительство цивилизации любви, и только тогда можно будет говорить о «поддержании достоинства брака и семьи».

Цивилизация любви рождает радость: радость обо всём, и в частности, о том, что человек приходит в мир (ср. Ин 16,21). В цивилизации любви мы «согрудуемся истине» (ср. Кор 13,6). Но цивилизация, пронизанная потребительскими умонастроениями, отвергающими рождение детей, не бывает и никогда не сможет быть цивилизацией любви. Разрушение семьи может послужить укреплению особых форм «антицивилизации», уничтожающей любовь во всех её многообразных проявлениях и неизбежно вызывающей серьёзные последствия для жизни всего общества.

Требовательная любовь

14. Любовь, превозносимую апостолом Павлом в 1 Послании к Коринфянам — ту, что «долготерпит», «милосердствует», «всё переносит» (1 Кор 13,4,7), — безусловно, можно назвать требовательной. Она предъявляет свои требования ко всем ситуациям, в которые попадает человек, и в наибольшей степени к людям, открытым Евангелию. Согласно апостолу, любовь не в состо-

янии «всё переносить», если поддаётся «ревности», «бесчинствует... раздражается или мыслит зло» (ср. Кор 13, 5-6). Здесь мы подошли к самому сердцу евангельской истины о свободе. В опыте свободы, переживаемой в истине, человек осознаёт себя. Но свободу нельзя понимать как позволение делать абсолютно всё, что угодно: свобода есть дарение себя. Даже более того — она подразумевает внутреннюю дисциплину дарения.

Продолжая эту мысль, мы обнаруживаем противоречие, существующее между индивидуализмом и персонализмом. Почему индивидуализм представляет собой угрозу цивилизации любви? Как утверждает II Ватиканский собор, индивидуализм предполагает такое использование свободы, при котором человек делает, что хочет, единолично «устанавливает истинность» того, что считает для себя приятным или полезным. «Этос» персонализма, напротив, альтруистичен: он побуждает человека дарить себя другим и обретать в этом радость.

На индивидуалистическом понимании свободы — свободы, лишённой обязательств,— основывается утилитаризм. Ассимилируя понятия свободы и легко вступая в союз с человеческой слабостью, общество постоянно создаёт угрозу семье. Гибельные последствия этого можно проверить статистически, хотя многие из них сокрыты в сердцах людей.

Супружеская и родительская любовь обладает способностью исцелять сердечные раны. Эта способность зависит от Божественной благодати прощения и примирения, обновляющей духовную энергию человека. Вот почему Церковь верует и провозглашает любовь, «всё переносящую» (ср. Кор 13,7); вместе со св. Павлом Церковь в этой любви видит наибольшую добродетель (ср. Кор 13,13).

Четвёртая заповедь: «Почитай отца твоего и мать твою»

15. Четвёртая заповедь Декалога относится к внутреннему единству семьи — можно обозначить это ещё словом «солидарность». Семья представляет собой общину, которая нуждается в особой защите, и Бог не находит защиты лучше, чем это «почитай». «Почитай отца твоего и мать твою», ибо в определённом смысле они для тебя — представители Бога. Только один Бог благ, Он — само благо, но родители особым и неповторимым образом участвуют в этом благе.

Четвёртая заповедь тесно связана с заповедью любви. Существует глубочайшая связь между почитанием и любовью: любовью к Богу и ближнему. А кто ближе нам, чем члены наших семей, наши родители и дети?

Являются ли межличностные отношения, обозначенные четвёртой заповедью, односторонними? Понимая её буквально, можно сказать, что это так. Но косвенным образом можно говорить и о почитании детей родителями. Почитать означает признавать! Почитание — это отношение, лишённое эгоизма. Почему в конечном итоге мы говорим о взаимном почитании? В заповеди «почитай отца твоего и мать твою» скрыто обращение и к родителям: почитайте ваших сыновей и дочерей. Они заслуживают этого уже сами фактом своего существования, тем, что они — те, кто они есть. Таким образом, четвёртая заповедь, отражая теснейшие связи, существующие внутри семьи, проливает свет на

основание её внутреннего единства. <...>

Воспитание

16. Воспитатель — это тот, кто «зачинает» ребёнка в духовном смысле. Исходя из этого, воспитание детей можно рассматривать как подлинное апостольство.

Воспитание детей представляет собой прежде всего обоюдное «приношение» родителей: вместе они сообщают зрелость своей человечности новорожденному ребёнку, обновляющему и освежающему в них эту человечность. Родители — главные воспитатели своих детей, и их воспитательная роль необычайно важна. В особенности это справедливо в области религиозного воспитания. Родители свободно выбирают конкретный вид религиозного образования для своих детей. Даже когда они передают эту обязанность церковным школам, всё равно их присутствие должно оставаться постоянным и активным.

<.....>

II. Жених — с вами

18. Беседа с учениками Иоанна, Иисус говорил о присутствии жениха на брачном пиру: «с ними жених» (Мф 9,15). Описывая Себя как Жениха, Иисус открывает сущность Бога и утверждает Его безмерную любовь к человеку. Но этот образ также проливает свет на глубочайшую истину супружеской любви. Используя этот образ, Иисус даёт понять, в какой степени любовь мужчины и женщины, соединённых в браке, отражает отцовство и любовь Бога. В Ветхом Завете, и в особенности у пророков, мы находим множество прекрасных слов, повествующих об этой любви. Она нежна, как любовь матери к ребёнку и жениха — к невесте, но и ревнива, как любовь новобрачных. Она — нечто совершенно новое и прежде неизвестное языческому миру. <...>

Дорогие братья и сёстры, супруги и родители: Жених с вами. Вы знаете, что Он — Пастырь Добрый. Вы знаете Его голос и знаете, куда Он ведёт вас. Вы знаете, что Он готов положить жизнь Свою за овец (ср. Ин 10,11). Не бойтесь! Сила Божия превозмогает ваши трудности! Везде и повсюду Добрый Пастырь — с нами, и это источник сил для наших сердец и знак торжества «цивилизации любви». <.....>

Дано в Риме, у св. Петра,
2 февраля, в праздник Сретения Господня,
год 1994, шестнадцатый год моего понтификата.

Папа Иоанн Павел II